

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

шей литературе — со всеми противоречиями личности, творчества и судьбы, сильными и слабыми сторонами.

* * *

Я пишу только о своем восприятии гайдаровских книг и личности, и, возможно, кому-то оно покажется неверным. Одно я знаю твердо: не для того Гайдар высочайшим напряжением своих сил проламывал стереотипы, чтобы сегодня оказаться под непроходимым музейным стеклом. Да, он действительно был писателем-орденоносцем, его книгами действительно зачитывались советские ребята.

...Но «Военной тайне» многие критики отказали почти во

повести отец Сергея осужден справедливо — подавшись «мещанскому влиянию» Сережиной мачехи, он пошел на служебные нарушения... Безусловно, сказать открыто о незаконности репрессий Гайдару бы не удалось. Трудно сейчас судить, что думал сам писатель о творившихся вокруг повальных арестах — тогда вслух о таких вещах не говорилось. Возможно, что, как и многие люди его поколения, не верил, что под стягом святых красных знамен творится несправедливость.

Но умом своим, сердцем, интуицией и талантом сумел выразить драму эпохи через драму детской души: «...вероятно, будет плакать и оправдываться, что все вышло как-то нечаянно. Но вы ему

ГОЛОС ТРУБЫ

всех литературных достоинств.

...Но публикация «Тимура и его команды» в «Пионерской правде» была приостановлена и началась вновь только после прочтения вещи Емельяном Ярославским.

О «Тимуре» рецензенты писали: «Писатель уводит внимание ребят в сторону от учебного процесса». О «Военной тайне»: «Средняя книжка о советских детях, тепло написанная, с большими литературными недостатками».

Были и другие факты, о которых сегодня мы почему-то напрочь «забыли». Первое же обсуждение «Тимура» в Московском городском Дворце пионеров чуть не кончилось провалом: ребятам больше всего понравился... Кванин. Маршак сказку о Мальчише называл «отвратительным Мальчишом».

Однако, самый тяжелый удар постиг «Судьбу барабанщика» — верстку готовой повести сняли с производства и в издательстве, и в журнале «Пионер». На какой-то момент книги Гайдара исчезли из библиотек...

Время было суровое, и нам еще предстоит узнать, почему эта история закончилась все-таки хорошо. Но поговорить об этой книге хочу подробнее — здесь уже речь вряд ли ограничивалась тем, что Гайдар «уводит в сторону от учебного процесса», или что он пишет «надклассовый детектив». Обвинения наверняка были посерьезнее...

* * *

«Сейчас я заканчиваю повесть «Судьба барабанщика». Эта книга не о войне (во всякой характерная для Гайдара оговорка), но о делах суровых и опасных...» — писал он.

Детективная линия выстроена Гайдаром замечательно — повесть таинственна и полна загадок, которые открываются далеко не сразу. Однако в первую очередь это повесть с глубочайшим моральным смыслом — и моральность ее вовсе не в том, что «маленькая ошибка влечет за собой большую», как до сих пор кажется иным ее толкователям, а в том, что стыд, вина, душевная боль, одиночество и внутренний разлад рождают человеческую личность, которая не может вырасти без ломок и потрясений. Сережа Щербачев ворует отцовский пистолет, продает чужие вещи, наконец, невольно помогает преступникам — и мы не морщимся досадливо, мы понимаем, что в его духовной ситуации ошибки эти неизбежны. Мы... прощаем его.

Но самое важное — благодаря своему умению расставить нужные слова на нужных местах — Гайдар сумел показать, что главную ошибку совершает вовсе не Сережа. Ведь фундамент его драмы — не цепь случайных совпадений, а перевернувший его существование арест отца.

Вот что действительно отражало правду жизни!

«И он задумывает повесть о внезапно осиротевших детях, на которых падает позор ни в чем не повинных отцов», — пишет в биографии Гайдара Борис Камов.

Так ли это было? Ведь в

не верьте, потому что не только он сам такой, но его отец осужден тоже» — вот такой ужасный стыд охватывает Сережу, когда он читает в газете объявление о своем розыске, представляет, что о нем говорят.

Стыдно и нам. Но не за Сережу, конечно...

* * *

Гайдар был бесстрашен и на войне, и в книгах. Хотя и в книгах, и на войне давалось это бесстрашие трудно. Еще в детстве, разбив окно или совершив другое «геройство», он признавался сразу. Чтобы не расстроить мать.

В своих книгах он доказал то же самое — лучший способ воспитать смелых людей: научить говорить правду.

Думаю, что в этом и был секрет его фантастической власти над детьми — уже не в книгах, а в жизни: он ничего от них не скрывал.

О том, как нелегко дается нам этот главный гайдаровский урок, говорит судьба тимуровского движения. Движения, которое давно уже «двигают» учителя, воспитатели, как, впрочем, и многие другие пионерские дела. Я не раз обсуждал вопрос о том, жизненно ли сегодня это движение, имеет ли оно корни в нашей реальности. И обычно вместе с собеседниками приходил к выводу: нет, не жизненно. Причина в том, что она, сегодняшняя жизнь, уводит ребенка в сторону от конкретного человека и конкретной поленыцы дров — к понятиям абстрактным: к вообще заботе о ветеранах, к вообще борьбе за экономию того и другого, к ВО-ОБЩЕ...

А поразмышлял немного и понял, что просто гайдаровская идея переросла рамки пионерского отряда и, несмотря на все волны акселерации, стала достоянием людей постарше — тех, кто сегодня реставрирует памятники, безвозмездно ремонтирует детские дома, ухаживает за больными стариками.

Одним детям уже не справиться но включить их в это взрослое тимуровство просто необходимо. А называть его можно как угодно. Одно из новых названий — Детский фонд...

* * *

«Хорошим весенним днем он шел по московскому бульвару опять при деньгах и в отличном настроении. Увидел продавца воздушных шаров, купил сначала один шарик, а потом, подумав, всю связку... Но если по бульвару идет человек с пестрой кучей воздушных шариков, за кого его примут прохожие?

— Почем шарики?

— Не продаются.

— Мне голубой, пожалуйста!

— Не продаются...

— Шары почем, гражданин?

Долго так, естественно, продолжаться не могло. Симпатичным покупателям Аркадий Гайдар начал раздавать шары бесплатно. Несимпатичным — отказывал...».

Так пишет в своих воспоминаниях об отце Тимур Гайдар.

Б. МИНАЕВ.